

ССЫЛКА А.Ф.ЛАБЗИНА И СИМБИРСКИЕ МАСОНЫ

Елена Беспалова

Кладбище Покровского монастыря возникло в конце XVIII века. Здесь хоронили наиболее именитых и знатных жителей Симбирска. Когда-то здесь лежали мраморные плиты и стояли роскошные памятники. Под одним из них покоился прах сподвижника А.В.Суворова, генерала Петра Никифоровича Ивашева (похоронен 21 ноября 1839 г.); родного брата деда писателя Л.Н.Толстого — графа Василия Андреевича Толстого (8 февраля 1824 г.) и его сыновей; генерала от инфантерии Александра Васильевича Обрезкова (16 января 1812 г.); генерал-лейтенанта Николая Дмитриевича Амбразанцева (24 октября 1813 г.); симбирского губернатора князя Сергея Николаевича Хованского (26 марта 1817 г.); камер-юнкера Двора Его Императорского Величества Владимира Николаевича Поливанова (24 апреля 1915 г.) и многих других известных жителей Симбирска. Здесь же был похоронен вице-президент Академии художеств, почетный член Московского университета, кавалер орденов Св.Анны и Св.Владимира 2-й степени, поэт, переводчик, издатель Александр Федорович Лабзин (1766–1825).

13 сентября 1822 года в Петербурге в Академии художеств, вице-президентом которой с января 1818 года являлся А.Ф.Лабзин, проходила конференция. При избрании трех почетных членов президент А.Н.Оленин предложил кандидатуры графа Гурьева, графа Аракчева и графа Кочубея. Лабзин воспротивился избранию этих лиц, особенно последнего. На возражение Оленина, что граф Кочубей — приближенный к императору, заявил, что если достаточным поводом для избрания в почетные члены может быть признана близость к особе государя, то он, в свою очередь, может предложить не менее близкое лицо — лейб-кучера Илью Байкова. Столь смелый выпад Лабзина на управляющего Министерством внутренних дел не прошел ему даром. 20 октября последовал указ об увольнении его от должности в Академии художеств, а через некоторое время — о его ссылке. Н.И.Тургенев, будучи помощником статс-секретаря Государственного совета, 11 ноября в своем дневнике записал: «На сих днях с последним курьером получено здесь высочайшее повеление о высылке из столицы Лабзина и Катенина. Первого за его сцены в Академии художеств...» Но это был всего лишь повод к высылке. Причины ее заключались, видимо, в другом.

Имя А.Ф.Лабзина более известно потомкам не как вице-президента Академии художеств, а как одного из самых значительных и выдающихся представителей российского масонства.

Довольно рано, в 1781 году, на шестнадцатом году жизни, обучаясь в Московском университете, Лабзин попал

под влияние московских мартинистов. Их ядро составляли Н.И.Новиков, братья Ю.Н. и Н.Н.Трубецкие, И.В.Лопухин, И.П.Тургенев и другие. Благодаря им масонское учение сделалось главным идейным и нравственным содержанием всей жизни Лабзина.

В свою очередь он сам оказал духовное влияние на сотни, тысячи своих современников. Будучи убежденным, что «просвещать сердца» и «воспитывать души» людей можно через книги, Лабзин переводил и издавал сочинения духовно-нравственного и религиозного содержания.

Большим успехом в обществе пользовались книжки выпускаемого им в 1806–1815, 1817–1818 годах журнала «Сионский вестник», почти все статьи которого принадлежали перу издателя и написаны были в истинном духе вольных каменщиков. Последнее обстоятельство явилось причиной появления настороженного, а порой и враждебного отношения к его просветительской деятельности некоторой части публики, в том числе высокостоящих особ (архимандрита Фотия, А.А.Стурдзы). Их не устраивал в первую очередь мистический характер публикаций этого журнала. Не вызвала одобрения у некоторых приближенных к императору чиновников и сама масонская деятельность А.Ф.Лабзина. Он был управляющим ложей «Умиряющего Сфинкса», открытой им в Петербурге в 1800 году (в то время, когда масонство считалось официально запрещенным Павлом I) и работающей независимо от других лож. В конечном итоге неуставное служение масонскому ордену привело его к ссылке, последовавшей в 1822 году. «Наступила моя ссылка безвинно и неожиданно, — писал несколько позже А.Ф.Лабзин, — казалось, удар сей, непредвиденный и невоображаемый, долженствовал бы разорвать меня, но я перенес его великодушно».

Случайно ли Симбирская губерния оказалась местом ссылки или нет — во-

прос спорный. Н.И.Тургенев, чья запись из дневника за 11 ноября 1822 года уже приводилась, писал: «Лабзин, сказывают, едет жить к нам в Сенгилей. Вероятно, граф Кочубей спросил его, где он жить хочет, и Лабзин выбрал Симбирскую губернию, имея там знакомых. Я, по крайней мере, так думаю». С другой стороны, воспитанница А.Ф. и А.С.Лабзиных, Софья Алексеевна Лайкевич, указывала, что петербургский генерал-губернатор граф Милорадович предоставил ему самому выбор местожительства. На это Лабзин отвечал, что так как он не имеет нигде имения и никакого пристанища, то для него все равно, где будет назначено его пребывание. Избран был уездный город Сенгилей в 50 верстах от Симбирска.

12 декабря 1822 года пятидесятишестилетний Александр Федорович с женой и воспитанницей в простой кибитке под присмотром симбирского квартального приехал к месту нового жительства.

Н.И.Тургенев оказался прав, упомянув в своем дневнике о симбирских знакомых Лабзина. Действительно, с некоторыми из них он был хорошо знаком и поддерживал дружеские связи. Прежде всего это губернский предводитель дворянства князь Михаил Петрович Баратаев, который по своей жене Александре Николаевне, урожденной Чоглоковой, находился в родственных отношениях с Лабзиным. Но, думается, их более связывали не столько родственные узы, сколько узы масонского братства, общая увлеченность его учением.

Князь Михаил Петрович Баратаев (1784–1856) в масонском братстве александровского времени был чрезвычайно заметной фигурой. Его стараниями в 1817 году была открыта в Москве ложа «Александра к тройственному спасению», а 30 ноября этого же года в Симбирске была учреждена ложа «Ключ к Добродетели». Кроме того, М.П.Баратаев являлся членом привилегированной петербургской ложи «Соединенных друзей» и наместным

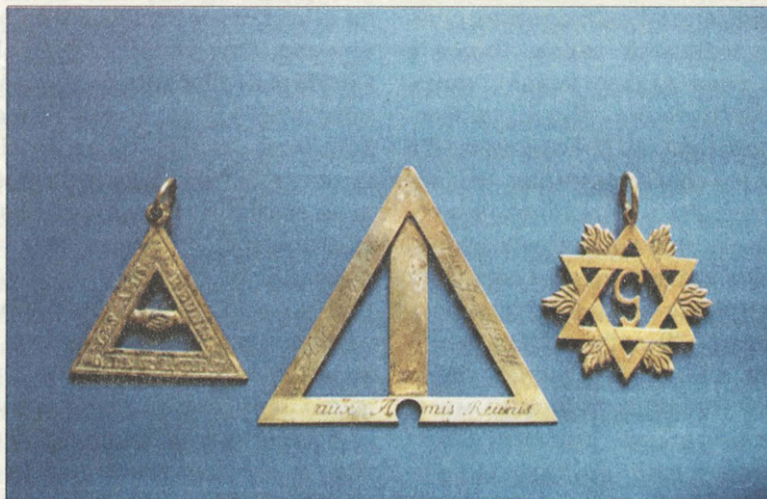
мастером российского отделения ее, входил в Капитул «Феникс» (тайный и высший орган управления масонством в России), был почетным членом многих лож, состоящих в ведении Великой ложи «Астреи», в том числе и ложи «Российского орла», где почетным членом был А.Ф.Лабзин. Известно, что по дороге в Сенгилей в декабре 1822 года семейство Лабзина заехало в Симбирск и остановилось на несколько дней в доме Баратаевых. Здесь, по воспоминаниям С.А.Лайкевич, оно «было радушно принято, успокоено».

Другим старинным знакомым Лабзина являлся Петр Петрович Тургенев, брат И.П.Тургенева, основавшего в 1784 году в Симбирске масонскую ложу «Золотой Венец». Так же как и А.Ф.Лабзин, П.П.Тургенев в свое время участвовал в «Собрании университетских питомцев», образованном в 1781 году при Московском университете членами новиковского кружка. Так как это «Собрание» находилось под непосредственным влиянием мартинистов, то многие из его воспитанников впоследствии сами стали масонами. П.П.Тургенев, вступив в орден вольных каменщиков, вероятно, в 1780-е годы, с момента основания в Симбирске ложи «Ключ к Добродетели» (с 1817 года),

входил в нее, имея титул «почетного члена». Поэтому, когда в Сенгилей прибыл ссыльный его сотоварищ по «Собранию университетских питомцев» и собрат по масонскому ордену, он первым пришел ему на помощь. Ведь, как отмечал М.А.Дмитриев, «плохо было изгнанникам в Сенгилее: в этом городе не находили они самонужнейших потребностей жизни».

«К празднику Рождества Христова и к новому 1823 году, — вспоминает С.А.Лайкевич, — приехали к нам гости: курмышский помещик Дмитрий Иванович Попов, с отцом которого некогда был знаком папенька (А.Ф.Лабзин. — Е.Б.), и почтеннейший старик Петр Петрович Тургенев, симбирский помещик, старинный его знакомый. Он снабжал нас всем, что только мог прислать из деревни: припасов, даже столового белья и корову. Они посещением своим влили отраду в сердце страждущего морально и физически. Целые дни они проводили у нас в приятной беседе».

Упомянутый выше курмышский помещик Дмитрий Иванович Попов (1793–1863) — личность невторостепенная в русском масонстве первой половины XIX века. Закончив в начале 1810-х годов Московский университетский

Масонские нагрудные знаки ложи «Соединенные друзья»
Принадлежали П.Н.Ивашеву
1-я половина XIX века

благородный пансион и прослужив некоторое время, он вскоре оставил службу и большую часть своего времени посвятил литературным занятиям. Одно время Попов писал для журнала «Друг юношества», который издавал М.И.Невзоров, воспитанник и ученик новиковского кружка.

С А.Ф.Лабзиным Попов сблизился в Петербурге в 1812–1822 годах, исполняя его поручения по Библейскому обществу. Он же постоянно навещал Лабзина не только в Сенгилее, но и позже в Симбирске, куда приезжал из своего имения и всегда останавливался в доме, который снимал Лабзин.

Другим постоянным гостем дома Лабзина сделалось семейство сенгилеевского уездного судьи Карла Карловича Якобия. Вступив в орден вольных каменщиков в 1784 году, являясь одно время членом петербургской ложи «Пеликана», К.К.Якобий с августа 1818 года состоял в симбирской ложе среди братьев 2-й степени. Часто навещал Лабзина в Сенгилее Сергей Иванович Колюбакин, отец которого, будучи владельцем книжной лавки в Симбирске, основанной Н.И.Новиковым в 1783 году, занимался распространением книг, издаваемых членами новиковского кружка.

В конце мая 1823 года, после многочисленных хлопот в Петербурге сестры Лабзина, Александр I позволил ему переехать в губернский город. Здесь с конца 1817 года существовала ложа «Ключ к Добродетели», Великим мастером которой был М.П.Баратаев. По воспоминаниям современников, эта ложа пользовалась большим успехом в губернии, ее членами становились дворяне не только из уездов, но и из соседних губерний. Эта ложа была многочисленной, состояла из 39 действительных и 21 почетного члена. Последние были представлены многими видными масонами, должностными лицами «Астреи», управляющими других провинциальных лож. Среди «братьев» этой ложи значились генерал П.Н.Ивашев, двоюродный брат Н.И. и А.И.Тургене-

вых — И.С.Аржевитинов, его родственник Н.И.Татаринов, полковник Г.В.Бестужев, И.С.Кротков, крестный отец И.А.Гончарова — Н.Н.Трегубов, сенатор Н.П.Дубенский, Л.А.Адам и другие. В 1822 году ложа была закрыта в соответствии с манифестом императора от 1 августа 1822 года о запрещении масонства в России. Но самые ревностные ее члены продолжали тайно собираться и вести работу. Они решили оказать материальную и иную помощь Лабзину.

А.Ф.Лабзин вначале был в несколько раздраженном состоянии из-за своего положения. Посещения его симбирскими дворянами казались ему любопытством и были подозрительны, и потому он принимал посетителей не совсем ласково. Так, например, губернский почтмейстер Иван Федорович Лазаревич, занимавший должность 1-го стюарта в ложе «Ключ к Добродетели», желая быть полезным Лабзину, «предложил ему, не угодно ли ему будет получать на его имя письма и писать через него. Лабзин принял это в дурную сторону и отвечал: «Если вам, батюшка, угодно быть надо мной шпионом, вам никто не мешает!» Тот смолчал, не оскорбился и продолжал свои посещения.

Симбиряне не раз оказывали услуги Лабзину. Но делали это так искусно, что он иногда и не догадывался об этом. Например, был такой случай. Переехав в Симбирск, Лабзин был озабочен поиском дома. В то время сдавался внаем дом госпожи Назарьевой. Но этот дом казался Лабзину очень дорогим, хотя цена его была настоящей, и не было возможности ее снизить. Тогда Александр Алексеевич Крылов, начальник удельной конторы и бывший обрядоначальник симбирской масонской ложи, уговорив хозяйку сдать Лабзину квартиру за его цену, сам доплачивал за нее оставшуюся сумму. Александр Федорович был доволен успехом найма и до конца жизни своей не узнал этого секрета.

В симбирскую ссылку А.Ф.Лабзин приехал больным. А тяжелый удар

А.Ф.Лабзин
Художник В.Л.Боровиковский

Князь
М.П.Баратаев

П.Н.Ивашев
Работа неизвестного художника
1814–1815

вынужденной перемены места жительства в его возрасте, тяготы переезда, необустроенность жизни в изгнании еще более ухудшили его физическое состояние. Местные врачи пытались его лечить, но безрезультатно. Тогда при наступлении лета 1824 года Лабзин с женой получил приглашение от Петра Никифоровича Ивашева испробовать минеральные воды в его имении, селе Ундорах. С.А.Лайкевич так рассказывает об этом: «Мы пробыли в Ундорах 2 месяца, где больной был свеж и весел. И чего там не было, чтобы доставить удовольствие! Решительно все: радушное гостеприимство хозяев, радушное избранное общество, прогулка, музыка, пение, вечер всегда заключался исполнением музыкантами зори, а певчие пением «Коль славен наш Господь в Сионе».

Неизвестно что — теплая атмосфера дома Ивашевых или минеральные воды смогли несколько облегчить болезнь Лабзина. Сохранилось «Свидетельство действительного статского советника Лабзина об Ундоровских водах», написанное им сразу же после окончания лечения. Семья А.Ф.Лабзина присутствовала на свадьбе старшей дочери П.Н.Ивашева, Елизаветы Петровны, с Петром Михайловичем

Языковым, венчание которых состоялось в домовая церкви Ивашевых в Симбирске осенью 1824 года.

Судя по запискам М.А.Дмитриева, симбирские дворяне терпеливо перенесли первоначальную раздражительность ссыльного и своими поступками добились его искренней признательности и дружбы. «Симбирской жизнью своей он был, наконец, очень доволен, — пишет М.А.Дмитриев, — так что однажды он говорил мне с чувством: «Я думал, что уезжая из Петербурга, я оставляю там друзей, каких уже не нажить; но вместо того я нашел здесь таких искренних и добрых друзей, каких у меня и там не было!» Своим новым друзьям он посвятил несколько строк стихотворения «К жене моей», написанного им в ноябре 1823 года в Симбирске. Обращаясь к Анне Евдокимовне, он с большой благодарностью отзывался о своих благодетелях:

*Прими сие во уваженье,
Как новой милости к нам плод,
Что в нашем здесь уничиженьи
Безбедно провели мы год.
Кто нас хранил, снабжал, покоил? —
Господь все благодатно строил
Чрез истинных рабов своих:
Кого в лице мы не знавали,
Те нас любовью принимали,
Как будто бы своих родных.*

С.А.Лайкевич в своих мемуарах отмечала, что ее «папенька» был посещаем лучшим обществом, из которого мог выбрать людей по сердцу. Но более всего А.Ф.Лабзин любил проводить время с архимандритом Покровского монастыря отцом Серафимом. Уделяя свое внимание нуждающимся, он в 1820 году вызвался ежегодно жертвовать от монастыря 150 рублей на бедных учеников Казанской семинарии. Умный, начитанный архимандрит близко сошелся с Лабзиным, человеком глубоко религиозным, полюбил его. Однако во время визитов Лабзина к отцу Серафиму между ними происходили всякий раз жаркие споры о предметах православия и вообще религии, для обоих равно дорогих и важных. «Серафим часто не понимал, или понимал криво, глубокие пути, в которые пускался с ним его посетитель; а Лабзин раздражался его противоречиями и непонятливостью. И потому почти всякое посещение кончалось с обеих сторон спором, раздражительностью и досадой», — вспоминал очевидец этого. Однако все это не мешало им с теплотой и уважением относиться друг к другу и совершать взаимные визиты.

Но особенно близко сошелся А.Ф.Лабзин с М.А.Дмитриевым. Вместе они летом часто ездили к князю М.П.Баратаеву в его деревню Баратаевку, недалеко от Симбирска. Именно здесь, среди густой поросли сада, в уединенном месте, находился грот, где до этого проходили все собрания «братьев» ложи «Ключ к Добродетели». Грот представлял собой круглое подземное помещение со сводом высотой около пяти аршин, в котором было сделано три круглых окна, через которые свет проникал внутрь. Сводчатый каменный извилистый коридор вел к внутреннему залу, где в центре поставлен гроб и разложены на столе Евангелие, меч, череп и разные символические знаки. Хотя масонство и было уже в это время запрещено, но здесь, в Баратаевке, по воскресеньям по-прежнему продолжали собираться бывшие члены масонской ложи.

Первый приезд А.Ф.Лабзина сюда М.А.Дмитриев описывает так: «Когда мы с Лабзиным в первый раз приехали в деревню к Баратаеву, это было в воскресенье... Кроме тех, которые по особым отношениям, по масонству, давно уже познакомились с Лабзиным, многие любопытствовали его видеть и видели его в первый раз. День был прекрасный, все общество сидело на террасе, обращенной в сад. Александра Федоровича окружили эти любопытные, вероятно, ожидая услышать от него тут же диковинные вещи. Он заметил это неприличное любопытство, позвал к себе мальчика — сына хозяина... поставил его между колен и начал: «Ну-ка, расскажи мне, Мишенька! Что это за чудеса, что над нами вертятся небеса? — Что это за штуки, что раки не щуки? — И что это за проказы, что стекла не алмазы? — И пошел, и пошел в этом роде! Все слушатели расхохотались и разошлись! Это тем более всех удивило, что он был старик под 60 лет, действительный статский советник и имел Владимирскую звезду 2-й степени. Но Александр Федорович не любил вульгарного удивления, а искал в людях единомыслия и уважения не к нему, а к учению, которому он посвятил всю жизнь свою». Возможно, в этот же приезд (или в какой другой) летом 1823 года тот же М.А.Дмитриев вписал в альбом хозяина имения сочиненное им стихотворение под названием «К садику кн.М.П.Баратаева». Описывая в нем все достопримечательности этого «преlestного садика» — «ключ, сверкающий дугой», «ручей, журчащий в камнях», «сосну в соседстве с влажной ивой», «куст, посаженный Румянцева рукой», — автор пишет:

*Я был в сей роце, где мечтаний
Непостоянный бог — всегда служитель твой:
Где темный гражданин, министр, поэт, герой
В Дриаде у тебя молодой
Себя хранителя имеет.*

Несколько поэтических строк М.А.Дмитриев посвятил и масонскому гроту.

